К 80-летию доктора физико-математических наук, профессора Валентина Евгеньевича Воскресенского

Дорогому другу!

Я с радостью узнал, что создана инициативная группа по организации юбилея - 80-летия ученого с мировым именем Валентина Евгеньевича Воскресенского. Сегодня я хочу рассказать о наших встречах, беседах, взаимоотношениях на протяжении долгих лет. Попутно я намерен также вспомнить о некоторых курьезах, известных только нам обоим. Думаю, что это будет приятно ему и в некоторой степени поучительно для других. Конечно, мне бы хотелось нарисовать портрет этого человека, но это мне не под силу. Я ограничусь набором рассуждений, описанием разных курьезов, не имеющих никакой хронологической последова-тельности и логической связи.

Впервые мы познакомились в 1954 году, когда Воскресенский был студентом 3-го курса пединститута г. Куйбышева (ныне г. Самара), а я впервые вошел в эту группу в качестве преподавателя элементарной математики. Вскоре я был «наказан» за свое высокомерие. Дело в том, что при домашнем подборе задач к предстоящим занятиям у меня возник вопрос по поводу обоснования решения одной из них. Но так как я и очень спешил, то подумал, что вряд ли кто-нибудь из студентов обратит внимание на эту тонкость. И вот как раз здесь я круто ошибся: скромного вида студент по фамилии Воскресенский задал мне именно этот вопрос. Я как сейчас вижу более двадцати пар глаз, лукаво смотревших на меня. И, если бы я стал крутить, финтить, дело бы кончилось весьма печально для меня. Но я сказал, что на этот вопрос в данный момент я не могу ответить. Мне надо подумать. Такое признание было честным, и этот факт послужил сближению со студентами, и особенно - с Валентином Воскресенским.

Я еще много раз имел возможность убедиться в незаурядных способностях этого молодого человека, детские и юношеские годы которого совпали с войной. На его долю в те годы выпали совершенно не детские испытания. И лишь его собственная воля, талант и трудолюбие превратили его в знаменитого на весь мир ученого. Естественно, что я, насколько мог, поощрял его желания продолжать учебу в аспирантуре. Уровень его знаний и интересов уже тогда выходил за рамки возможностей ведущих ученых математиков Куйбышева. Он уехал в Саратов, где поступил в аспирантуру к профессору Чудакову. Мы продолжали поддерживать дружеские отношения, переписывались, изредка навещали друг друга. Помню, как на стадии подготовки к защите кандидатской диссертации он восторженно рассказывал мне о встречах в Москве с крупными математиками, но совсем молодыми тогда сотрудниками школы члена-корреспондента АН СССР Шафаревича - доктором Маниным и др.

Знакомство Валентина Евгеньевича с И.Р. Шафаревичем состоялось на Всесоюзном математическом съезде в Ленинграде. Дело было так. Валентин Евгеньевич докладывал на одной из секций съезда. В каком-то месте он оговорился, и из зала услышал реплику несогласия. Когда Валентин

Евгеньевич взглянул в зал, он чуть не обомлел, увидев Шафаревича. Дух даже перехватило. Никак не ожидал увидеть здесь патриарха алгебры. Его не должно было быть. Как выяснилось позже, Шафаревича заинтересовал именно доклад Валентина Евгеньевича, и он специально пришел послушать. А после доклада Шафаревич имел беседу с Воскресенским. Он подробно его расспрашивал о дальнейших планах, одобрил их и любезно предложил свои услуги: вот, мол, мой телефон - рабочий, домашний, если что - звоните, я к Вашим услугам. С тех пор Шафаревич не выпускал Валентина Евгеньевича из поля зрения. Время от времени он официально вызывал его в Москву, где Валентин Евгеньевич работал по месяцу, а то и по два в институте математики АН СССР.

Наша дружба с Валентином Евгеньевичем продолжилась с новой силой, когда он, будучи уже доктором физико-математических наук, получил должность профессора и завкафедрой в Куйбышевском государственном университете. Конечно, я обязан сказать, что, кроме таланта ученого-математика, Валентин Евгеньевич обладает даром учителя, неким магнетизмом, притягивающим к нему молодые таланты. Он создал замечательную школу крупных математиков. Присутствуя на открытых семинарах, я не уставал поражаться искрометному таланту руководителя и его учеников. Если бы даже у него не было бы печатных трудов, только за то, что он открыл миру такие таланты, как доктор А. Клячко и доктор Б. Кунявский, он стал бы известен в мире.

А теперь о курьезах. Одна дама, которая два года подряд не могла сдать экзамен по анатомии в мединституте, убеждала его, что анатомия - это наука о человеке, а человек, как известно, - венец всего сущего. Поэтому якобы анатомию гораздо труднее познать, чем математику. Другой бы отмахнулся и не стал бы отвечать на всякий бред, а он терпеливо объяснял, что анатомия - это вовсе не наука, а учебный курс. Ведь науке свойственно развиваться, а анатомия человека разве развивается?

В бытность Валентина Евгеньевича уже заведующим кафедрой его кабинет был всегда открыт для всех: студентов и преподавателей. Там решались всякие вопросы. Он любит исследовать разные распространенные выражения. Однажды он спрашивает меня, как я понимаю понятие равенства? Я отвечал, что понятие равенства чисто математическое и имеет разные значения. Так, равенство чисел - не то, что равенство функций, не то, что равенство геометрических фигур, это понятие употребляется и в обиходе, тогда оно понимается в смысле неразличения. После этого он рассказывает мне, что сегодня на экзамене по научному коммунизму студентка отвечала на вопрос о равенстве между женщиной и мужчиной при коммунизме. «Я спросил ее, возможно ли это? Та ответила, что пока - нет, но при коммунизме будет!»

Однажды он спросил меня, как я понимаю выражение «жить по совести»? Я сказал, что в самом этом вопросе содержится ответ: надо жить так, как подсказывает тебе совесть, жить так, чтобы она тебя не мучила. Я чувствовал, что он добивается от меня чего-то большего. После паузы он

говорит: «Жить по совести означает жить вопреки разуму». Я прямо подскочил от неожиданности такого утверждения. Оно меня ошеломило своей простотой. Немного подумав, я понял всю правоту этого высказывания. Действительно, в этом выражении скрыто противопоставление, и этим противопоставлением понятию совесть является, конечно, разум. «Надо жить по совести, а не по разуму». Разум является защитным фактором в жизни, разум может оправдать всякий неблаговидный поступок человека, а совесть жестока, она заставляет мучиться. Муки совести! Таким образом, разум и совесть идут как две параллельные линии, они не пересекаются. Таков он, Воскресенский. Из, казалось бы, простого выражения сделать такой глубокомысленный, философский вывод.

Я знавал людей, которые ради достижения в математике жертвовали многим: они не ходили в кино, не ходили в театр, на концерты, они бросали играть в шахматы, им некогда было читать ни классику, ни периодику, они блюли сухой закон, они не замечали женщин (по крайней мере, старались). Больше того, они этим щеголяли и даже морализировали по этому поводу.

Валентин Евгеньевич не такой. Ничто человеческое ему не чуждо. Он не искал карьеры в математике. Он не ставил перед собой задачу, во что бы то ни стало выбиться в профессора! Он просто жил и живет в математике. Он в нее влюблен. Посмотрите, как он весь преображается, как глаза его начинают светиться, когда речь заходит о ней! Она дается ему с поразительной, чуть ли не моцартовской легкостью. Валентин Евгеньевич любит подчеркивать, что за легкостью игры пианиста или за легкостью движений балерины стоит огромный и изнурительный труд. Да, это так. Но зрители этого не видят.

Он все время в работе, в раздумьях. Однажды я спросил его, как он себя чувствует, когда в процессе долгой работы мысли он приходит к решению задачи, проблемы. Он ответил, что, во всяком случае, особого восторга он не чувствует. И что его состояние можно описать графиком функции $y = - |\sin x|$, т.е. все время состояние угнетенное, и только в момент решения задачи наступает расслабление. А потом - следующая задача, и картина повторяется и т.д.

А напоследок я скажу, что очень давно не видел моего собеседника, моего непростого друга. Поздравляя его с юбилеем и желая ему здоровья и творческих успехов, скажу, что очень по нему скучаю.

Члены моей семьи - супруга Нина Анисимовна и мой сын Владимир, помогавшие мне в написании этого письма, присоединяются к поздравлениям Валентина Евгеньевича Воскресенского с юбилеем.

Абрам Ильич Сандлер, г. Ашкелон, Израиль , 23.04.07